

ращается на разъяснение смысла закона об исключении уголовной ответственности при добровольном отказе. Нередко данная работа дополняется проведением и иных мероприятий, в результате чего искусственно создаются условия, затрудняющие либо вовсе устраняющие возможность совершения окончательного преступления. Однако в последнем случае эти мероприятия не должны исключать у субъекта сознание возможности успешного окончания начатой преступной деятельности, ибо если он будет знать, что в создавшихся условиях совершить преступление невозможно и в результате этого прекратит его совершение, то будет иметь место не добровольный, а вынужденный отказ.

Положения закона о добровольном отказе представляют сотрудниками органов, ведущим борьбу с преступностью, большие возможности для работы по ликвидации преступных групп. Здесь необходимо прежде всего воздействовать на колеблющихся участников групп, чья роль в ней незначительна; затем, используя помощь лиц, отказавшихся от совершения преступления, повлиять и на других участников группы. Однако, когда это может принести успех, побуждение к добровольному отказу осуществляется и непосредственно в отношении тех лиц, выход которых из группы может привести к ее распаду. Такими лицами могут быть организаторы либо активные участники группы.

Побудительная деятельность органов, ведущих борьбу с преступностью, в отношении преступных групп должна строиться на основе строгого соблюдения законов и не может быть связана с какими-либо элементами провокации преступления со стороны отдельных участников группы, которые не желают добровольно отказываться от доведения начатой преступной деятельности до конца.

Ю. В. Баулин

Харьковский юридический институт

К ВОПРОСУ О МЕСТЕ ДЕЙСТВИЙ ПО ЗАДЕРЖАНИЮ ПРЕСТУПНИКА В СИСТЕМЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, ИСКЛЮЧАЮЩИХ УГОЛОВНУЮ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

Действия граждан по задержанию преступника являются эффективным средством в деле борьбы с преступностью. Многими юристами обосновано положение, что действия по задержанию преступника — самостоятельное обстоятельство, исключающее общественную опасность деяния и, следовательно, уголовную ответственность. Однако вопрос о месте этих действий в системе обстоятельств, исключающих уголовную ответственность, решается различным образом.

И. И. Слуцкий относил принятие мер для задержания преступника наряду с необходимой обороной, крайней необходимостью, согласием потерпевшего, исполнением законного приказа, выполнением служебных и профессиональных обязанностей, осуществлением своего права и принуждением к повиновению к обстоятельствам, устраняющим общественную опасность деяния. В эту же группу он включал также добровольный отказ от преступления, изменение закона, изменение социально-политической обстановки, истечение сроков давности, малозначительность правонарушения, физическое принуждение и непреодолимую силу [11, с. 11—12]. А. Н. Красиков, предлагая создать единый институт освобождения от уголовной ответственности и наказания, относит к нему задержание преступника наряду с деяниями, предусмотренными ч. 2 ст. 7 УК, освобождением от уголовной ответственности ввиду истечения сроков давности или по иным основаниям (например, ч. 2 ст. 56 УК УССР), наличие которых дает право освободить лицо от уголовной ответственности или наказания [7, с. 21—22].

Взгляды И. И. Слуцкого и А. Н. Красикова представляются неубедительными. В литературе уже отмечалось, что необходимо проводить четкое различие между обстоятельствами, исключающими уголовную ответственность, и обстоятельствами, освобождающими от таковой. Указывалось, что об освобождении от уголовной ответственности нельзя говорить, когда факт преступления отсутствует, что такое освобождение возможно лишь тогда, когда лицо совершило преступление [4, с. 78]. Действия же по задержанию преступника не только не являются преступлением, но, напротив, общественно полезны, поощряются правом и моралью социалистического общества. Поэтому задержание преступника нельзя включать в число обстоятельств, освобождающих от уголовной ответственности, применяемых только тогда, когда лицом совершено преступление.

Б. А. Куринов и Е. А. Фролов также рассматривают задержание преступника как обстоятельство, исключающее общественную опасность деяния, но наряду лишь с необходимой обороной и крайней необходимостью. Что касается других обстоятельств (например, исполнение обязательного приказа, выполнение профессиональных функций и т. п.), то они, по мнению этих авторов, имеют иную природу [12, с. 181—182; 13, с. 203—204]. Различие в природе названных обстоятельств ими усматривается в том, что правомерность действий по задержанию преступника (как и при необходимой обороне и крайней необходимости) определяется в уголовном законе, а таких обстоятельств, как исполнение обязательного приказа, исполнение закона и т. д., — в нормах других отраслей права. Следовательно, Б. А. Куринов и Е. А. Фролов исходят из того, что только уголовный закон определяет и должен определять понятие и условия правомерности действий по задержанию пре-

ступника, необходимой обороны и крайней необходимости. Однако такая позиция вызывает сомнение. Дело в том, что главным системообразующим фактором выделения определенных институтов в отдельную отрасль права, как известно, служат общественные отношения, объективно требующие особой правовой регламентации. Эта группа общественных отношений составляет ядро предмета регулирования данной отрасли. В то же время, как отмечает С. С. Алексеев, когда и предмет правового регулирования и соответствующая ему отрасль права уже сложились, «в орбиту регулирования данной отрасли втягиваются смежные, родственные, «сопряженные» отношения, а то и нетипические отношения, для которых оказалось возможным использовать уже сложившийся отраслевой механизм» [1, с. 172]. Необходимо учитывать также и то, что отрасль права формируется в общем русле развития правовой системы конкретной страны, определенное влияние оказывают также и правовые системы других государств, научные концепции по вопросу о структуре правовой системы, наконец, законодательные традиции.

Уголовное право, как известно, регулирует общественные отношения, возникающие между государством и преступником в связи с совершенным им преступлением. Эти отношения регулируются специфическим, присущим только данной отрасли методом: путем определения того, какие общественно опасные деяния являются преступными, и установления наказания, подлежащего применению к лицам, совершившим преступления. Уголовно-правовые отношения носят властный характер, где государству в лице соответствующих органов принадлежит право и обязанность привлечь преступника к уголовной ответственности, а преступник имеет право требовать назначения ему справедливого наказания в соответствии с законом и обязан претерпеть все неблагоприятные последствия совершенного преступления, в том числе отбыть назначенное ему приговором суда наказание.

Вместе с тем уголовное право регулирует и отношения, возникающие при совершении действий в состоянии необходимой обороны и при задержании преступника. Отношения по задержанию преступника, урегулированные уголовным правом, не являются, однако, отношениями власти — подчинения, властотношениями [9, с. 137]. Это, как отмечают П. Дагель и Л. Зусь, «нетипичные» для уголовного права отношения [5, с. 93], которые складываются вне основного уголовного правоотношения [3, с. 14].

Регулирование таких отношений вовсе не обязательно только в уголовном законодательстве. В свое время Н. Д. Дурманов справедливо писал, что положение несколько не изменится, если нормы, касающиеся необходимой обороны и крайней необходимости, «включить, скажем, в число норм администра-

тивного права, что, кстати сказать, нередко и наблюдается в части действий по задержанию преступника, очень близких к необходимой обороне. В этом случае в системе уголовного права констатировалось бы только, что действия, совершенные при названных обстоятельствах, правомерны и, следовательно, к области уголовного права не относятся... Вообще все учение об этих обстоятельствах не обязательно должно относиться к уголовному праву, так как последнее трактует о преступлениях и наказаниях, здесь же речь идет об одном из правомерных действий» [6, с. 205—206]. Регламентацию действий по задержанию преступника именно в уголовном законодательстве можно объяснить, по-видимому, влиянием нашей судебной практики, которая приравнивает действия по задержанию преступника к необходимой обороне, а также науки уголовного права, рассматривающей вопрос о правомерности задержания преступника в прямой связи с необходимой обороной, предусмотренной в УК.

Если же обратиться к таким общественно полезным действиям, как выполнение профессиональных функций, исполнение обязательного приказа и т. п., то их регулирование вообще, как правило, не может иметь место в уголовном законодательстве. Отношения, возникающие при совершении подобных действий, не составляют предмета уголовного права, ибо они не являются отношениями, возникающими между государством и преступником в связи с совершенным им преступлением. Эти отношения составляют предмет регулирования иных отраслей права: административного, гражданского, трудового и др. Однако такое положение не оказывает влияния на то, что именно теория уголовного права и судебная практика, основываясь на законодательном материале этих отраслей права, вырабатывают условия правомерности указанных действий. В свою очередь, понятия необходимой обороны, задержания преступника, крайней необходимости используются другими отраслями права. Так, правомерное причинение вреда преступнику при задержании имеет значение для решения вопроса об исключении не только уголовной ответственности за такие действия, но и, например, имущественной ответственности.

Далее, различать вслед за Б. А. Куриновым и Е. А. Фроловым действия по задержанию преступника и другие правомерные действия лишь по тому признаку, что последние в уголовном законодательстве не предусмотрены, значит использовать лишь внешний, несущественный признак. Если законодатель, например, в будущем установит в уголовном законе условия правомерности допустимого производственно-хозяйственного риска, как это имеет место в УК ряда социалистических государств, то сразу же перестанет существовать и различие в природе задержания преступника и производственно-хозяйственного риска. Но такое решение вопроса явно неприемлемо.

Общественно полезные действия, не указанные в уголовном законе, как справедливо отмечается в литературе, в судебной практике встречаются редко [13, с. 203]. И, напротив, дела, связанные с решением вопроса о правомерности действий при необходимой обороне, крайней необходимости и задержании преступника, — явление сравнительно частое. Представляется, что в уголовном законе предусмотрены, как метко называет их И. Андреев, «типичные ситуации», «типичные случаи, исключаяющие преступность деяния» [2, с. 68], а именно: необходимая оборона, крайняя необходимость и задержание преступника. Таким образом, задержание преступника следует рассматривать в системе обстоятельств, исключающих общественную опасность деяния, как предусмотренных, так и не указанных в уголовном законе.

Критерий отнесения задержания преступника к названным обстоятельствам будет обоснованным лишь при том условии, если все эти обстоятельства, в том числе и задержание преступника, имеют какой-то общий определяющий их признак. Этот критерий следует усматривать в том, что совершенное лицом при этих обстоятельствах деяние не только не может быть признано общественно опасным, но, напротив, является общественно полезным, содействует охране социалистического правопорядка, осуществлению функций государственных органов, той или иной общественно полезной деятельности [10, с. 342]. Следовательно, именно общественная полезность совершенного выступает тем критерием, который позволяет отнести то или иное обстоятельство в названную группу.

Право, как известно, регулирует не всякое поведение человека, а лишь такое, которое имеет наиболее важное общественное значение. Закрепленное в норме права такое поведение становится юридически значимым. «Социальным основанием для позитивного закрепления определенного поведения в нормах социалистического права служат его общественная возможность, полезность и необходимость» [8, с. 40—41]. Общественная необходимость такого поведения выражается в первую очередь в том, что оно получает свое выражение в виде обязанностей граждан, должностных лиц и коллективов. Эти соответствующие обязанности, как выражение того или иного позитивного поведения, закреплены в Конституции СССР и конституциях союзных и автономных республик, а также в текущем законодательстве. Отмечая, что социальные возможности отражаются прежде всего через субъективные права и что они не противоречат обязанностям, В. Н. Кудрявцев указывает, что «права и свободы личности, равно как и ее обязанности, выражают в конечном счете общественную полезность поведения, потребность в нем» [8, с. 39].

Общественная необходимость действий по задержанию преступника определяется положениями ст. 65 Конституции СССР,

которая возлагает на гражданина СССР обязанность «быть непримиримым к антиобщественным поступкам, всемерно содействовать охране общественного порядка». Социальная же возможность такого поведения вытекает из норм уголовного права. Так, в ч. 3 ст. 15 УК УССР, а также в ст. 16 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июля 1966 г. «Об усилении ответственности за хулиганство» действия по задержанию преступника признаются правомерными [14]. Право советских граждан на задержание преступника справедливо относится в литературе к абсолютным субъективным правам [9, с. 136]. Следовательно, наличие общественной необходимости такого поведения, как задержание преступника, в совокупности с социальной возможностью этих действий со всей очевидностью свидетельствует об общественно полезном их характере.

Социальная возможность того или иного поведения, равно как и его общественная необходимость, определяется не только и не столько нормами уголовного права. Как уже указывалось, такое правомерное поведение, например, как исполнение обязательного приказа, выполнение профессиональных функций, те права и обязанности, которые при этом возникают, регулируются нормами других отраслей права. Это, однако, не меняет основного вывода, что все они, как и необходимая оборона и крайняя необходимость, характеризуются как общественно полезные. Именно среди этих обстоятельств занимают свое место действия по задержанию преступника, правомерность и полезность которых полностью исключает уголовную и иную ответственность.

Список литературы: 1. *Алексеев С. С.* Структура советского права. М., Юрид. лит., 1975. 264 с. 2. *Андреев И.* Очерки по уголовному праву социалистических государств. М., Юрид. лит., 1978. 165 с. 3. *Галкин В. М., Блум М. И.* Уголовно-правовой запрет. — В кн.: Вопросы борьбы с преступностью на современном этапе. Рига, 1978, с. 4—21. 4. *Гальперин И. М.* Взаимодействие государственных органов и общественности в борьбе с преступностью. М., Юрид. лит., 1972. 184 с. 5. *Дагель П., Зусь Л.* (Рец. на кн.:) Н. А. Огуцов. Правоотношения и ответственность в советском уголовном праве. — Соц. законность, 1977, № 3, с. 93—94. 6. *Дурманов Н. Д.* Понятие преступления. М.-Л., Изд-во АН СССР, 1948. 311 с. 7. *Красиков А. Н.* Сущность и значение согласия потерпевшего в советском уголовном праве. Саратов, 1976, 119 с. 8. *Кудрявцев В. Н.* Право и поведение. М., Юрид. лит., 1978. 192 с. 9. *Огуцов Н. А.* Правоотношения и ответственность в советском уголовном праве. Рязань, 1976. 206 с. 10. Курс советского уголовного права. Т. II. М., Наука, 1970. 515 с. 11. *Слуцкий И. И.* Обстоятельства, исключающие уголовную ответственность. Л., Изд-во ЛГУ, 1956. 116 с. 12. Советское уголовное право. Общая часть/Под ред. В. Д. Меньшагина и др. М., Изд-во МГУ, 1974. 444 с. 13. Советское уголовное право. Общая часть/Под ред. Н. А. Беляева, М. И. Ковалева. М., Юрид. лит., 1977. 544 с. 14. Ведомости Верховн. Совета СССР, 1966, № 30, ст. 595.

В. П. Тихий, канд. юрид. наук

Харьковский юридический институт

**СПЕЦИАЛЬНЫЙ ВИД ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ, ПРЕДУСМОТРЕННЫЙ В ч. 2 ст. 222 УК УССР**

Главным направлением в борьбе с преступностью является ее предупреждение. В связи с этим «у нас проявляется все